РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

П. ОРЛОВСКИЙ.

ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА ТИХОНА

К АРХИПАСТЫРЯМ И ПАСТЫРЯМ ЦЕРКВИ РОССИЙСКОЙ.

Цена 1 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва — 1919

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена.

Государственное Издательство.

Послание патриарха Тихона.

Смиренный **Тихон**, патриарх московский и всея Руси обратился с воззванием к православному духовенству на текст послания апостола Павла к римлянам «Молю вы, братие, блюдитеся от творящих распри и раздоры и уклоняйтесь от них» (Рим 16 17).

«Многократно с церковной кафедры обращались мы к верующим со словом пастырского назидания о прекращении распрей и раздоров породивших на Руси кровавую междоусобную брань» пишет патриарх Жестокости гражданской войны произвочят, по его словам, гнетущее впечатление на сердце каждого христианина особенно если жертвою их становятся «неповинные люди, не причастные к этой страстной политической борьбе»

Гражданская война не прошла также мимо служителей православной церкви, и «много уже и архипастырей, и пастырей, и просто клириков» сделалось ее жертвами. «И все это,—продолжает Тихон,—за весьма, быть может, немногими исключениями только потому, что мы, служители и глашатаи Христовой истины, подпали под подозрение у носителей современной власти в скрытой контр-революции, направленной, якобы, к ниспровержению советского строя. Но мы с **решительностью заявляем, что такие подозрения несправедливы**; установление той или иной формы правления—не дело церкви, а **самого народа».**

Далее патриарх отклоняет обвинение в том, будто православная церковь благословляет иностранное вмешательство. «Обвинение **голословное, неосновательное»**, говорит он. Правда, он не говорит, что церковь **осуждает** иноземное

ное (и, заметьте, **иноверное**) вмешательство во внутренние дела русского народа, а только замечает, что оно ни к чему не привело бы. «Вообще никто и ничто не спасет России от нестроения и разрухи, пока правосудный Господь не преложит гнева своего на милосердие, пока сам народ не очистится в купели покаяния от многолетних язв своих, а через то не «возродится духовно в нового человека, созданного по Богу в праведности и святости истины» (Ефес. 4, 24)

Патриарх Тихон останавливается и на общеизвестном обвинении духовенства что в местностях, занятых белогвардейцами, оно встречает новых повелителей молебнами и колокольным звоном, демонстративно подчеркивая этим свое сочувствие власти Деникиных, Колчаков и пр. «Если это и бывает где-либо,—говорится в воззвании,—то совершается или по требованию самой новой власти, или по желанию **народных масс,** а вовсе не по почину служителей церкви». Невольно возникает вопрос: если патриарху **достоверно не известно,** бывают ли подобные случаи (он говорит «**если** это и бывает») то как может он с уверенностью утверждать, что духовенство делает это только по приказу белогвардейцев или по требованию «народа», а не по собственному почину? Такое утверждение, противоречащее всем известным фактам, особенно хорошо известным в местностях, занятых белыми, подрывает доверие верующих к патриаршему слову вообще.

По поводу этого обвинения в сочувствии контр-революции, патриарх преподает духовенству и общие правила отношения служителей церкви к политике. Последние, по словам воззвания, «должны стоять выше и вне всяких политических интересов, должны памятовать канонические правила святой церкви, коими она **возбраняет** своим служителям вмешиваться в политическую жизнь страны, **принадлежать к каким-либо партиям**, а тем более делать богослужеб-

ные обряды и священнодействия орудием политических демонстрации».

Заканчивая свое послание патриарх Тихон предлагает духовенству следовать завету апостола блюсти себя «от творящих распри и раздоры», уклоняться от участия в политических партиях и выступлениях. «Повинуйтесь всякому человеческому начальству в делах мирских (I Петр. 2, 13), не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти, подчиняйтесь и ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию»

Патриарх Тихон советует священнослужителям посвящать все свои силы проповеди «истины Христовой» и призывает на них «Бога любви и мира».

Церковь и политика.

Итак, патриарх Тихон утверждает, что канонические правила православной церкви «возбраняют» ее служителям вмешиваться в политическую жизнь страны.

Для нас, мирян, не искушенных в богословии и хитростном толковании текстов, это заявление кажется настоящим откровением. Спокон века привыкли мы к тому что русская церковь являлась верной и безропотной служанкой светской власти царей. Сам царь, т.-е. глава и символ светской политической власти был и главой церкви, и православное духовенство ни словом, ни делом не противилось такому подчинению духовной общины воле и власти светского лица, главы государства.

Высший орган православной церкви—святейший **правительствующий** (заметьте это название!) синод, был государственным, т.-е. **политическим** учреждением, состоял на деле при особе царского чиновника, обер-прокурора которому подчинялся рабски—и, повидимому, не токмо за страх, но и за совесть. Церковные сановники были не более, как пра-

вительственными чиновниками, назначаемыми по признаку политической благонадежности, а все духовенство было настолько крепко закабалено светской политической власти что в народном сознании церковь представлялась каким-то филиальным отделением полицейского участка

И если прав в своем **теперешнем** толковании патриарх Тихон то все строение православной церковной иерархии вся ее роль в государстве и вся ее работа среди русского народа были сплошным, грубым,—я бы сказал просто: изуверательским,—нарушением канонических правил православной церкви. Церковная аристократия, прельщенная почестями, властью богатствами, которые давали ей цари, обманом завела верующую паству в вавилонское пленение самодержавия и превратила церковь в духовное орудие политического закабаления масс На-ряду с армией, полицией, судом цари обрели в лице православного духовенства могучий механизм подчинения народа, и христианская церковь, призванная по евангелию, утешать труждающихся и обремененных, защищать их от гнета и насилия, сама стала на Руси одним из главнейших источников обременения и страдания для трудящегося люда.

Правда, в низах православного духовенства встречались неподкупные и нелицеприятные служители веры, понимавшие евангельское учение не так, как толковали его книжники в шелковых рясах, и эти независимые священники жили одной жизнью с трудящимися, тяжелой крестьянской жизнью, но твердо держались за свои убеждения. Когда была учреждена государственная дума, мы видели некоторых из этих «красных попов» в рядах защитников прав трудовых масс **против** высших иереев, рабски-послушно голосовавших по указке обер-прокурора синода.

И тут мы опять должны отметить, сколь новым является толкование канонических правил патриархом Тихоном: ведь

в государственной думе участвовали десятки священников **всех политических** оттенков. Тут были и социалисты-революционеры, но тут же сидели и октябристы и черносотенцы. Что же руководители церкви молчали, когда священники шли на выборы и выставляли свои кандидатуры? Почему патриарх Тихон—в то время уже влиятельный иерарх—не обличал их, не громил с амвона, не писал воззваний, разъясняющих, что они ломают каноны церкви? Что-то тут не ладно!

Если сейчас глава православной церковной общины вдруг вспомнил, что церковь «возбраняет» своим служителям участие в политической жизни и политических партиях, то, очевидно, сейчас имеются налицо обстоятельства, по которым ему **важно и необходимо** это вспомнить и преподать, как правило священнослужителям. Посмотрим же, каковы эти обстоятельства и почему именно теперь они выплыли на поверхность, теперь — после двух лет существования Советской власти?

Патриарх Тихон и Советская власть.

У патриарха Тихона идет уже не первый разговор с Советской властью. Еще в самом начале работы молодого рабоче-крестьянского правительства, Тихон выступил против него, но не со словом примирения, а с громом негодования и анафемой (послание от 19 апреля 1918 г.). Это было тотчас же по опубликовании декрета об отделении церкви от государства. Не менее враждебно высказался он и во втором послании по поводу первой годовщины октябрьского переворота.

Если читать новейшее послание патриарха и его толкование канонических правил, как запрета клиру участвовать в политике, то невольно придется задать вопрос: да ведь, в таком случае, православная церковь должна была **при-**

ветствовать декрет об отделении ее от государства Ведь это **освобождение** церкви, закабаленной светской властью, превращенной в ее департамент ставшей ее **политическим** орудием. Канонические правила «возбраняют» духовенству участвовать в политике, следовательно возбраняют ему и быть орудием в руках политической власти каким оно было при царе. Но может ли духовенство **не быть** таким орудием когда оно материально всецело зависит от светской власти? Следовательно, надо уничтожить эту зависимость: духовенство, церковь и все что связано с религиозным культом, должно находиться исключительно на иждивении самих верующих

Декрет об отделении церкви от государства превратил православную церковь из казенного учреждения в свободный союз верующих. Он отнял у нее обязанность служить политическим целям светской власти, но так же отнял у нее возможность насаждать свою веру мерами насилия. Он превратил священнослужителей из чиновников в независимых проповедников христианского вероучения, но вместе с тем и лишил их казенных окладов и всяких материальных благ, получаемых ими от государства и порабощавших их государству. Он вернул их к положению служителей христианской церкви, какими они **должны** были быть по их собственному учению, но перестали, ради благ мирских Имущество же, необходимое для церковного культа, было передано группам верующих. Декрет вместе с тем ввел и гражданскую регистрацию браков рождений и смертей. Это—мера, существующая во всем цивилизованном мире и нисколько не умаляющая прав верующих, ибо светская власть никому не возбраняет, на ряду с гражданской регистрацией, совершать обряды крещения, отпевания или брака по всем правилам его веры. Следовательно, единственное, что Советская власть действительно отняла у казенной православной церк-

ви (но не у верующих), это — имущество, накопленное монастырями, церквами и крупными чиновниками церкви и служившее к превращению проповедников учения Христа в настоящих капиталистов-предпринимателей религиозной промышленности. Это имущество—подчас очень крупное,— не выходившее из рук черных иерархов и находившееся вне распоряжения или контроля широких кругов духовенства и верующих, фактически служило не церкви, а иерархам, и, противореча самому духу христианского учения—особенно по отношению к монашествующему священству,—являлось источником того, что церковь называет «соблазном». Декрет освободил православную церковь от языческого плена у царского самодержавия и дал ей возможность ступить на единственный подобающий ей путь: распространения ее учений, путем свободного убеждения и объединения верующих.

Однако, патриарх Тихон иначе посмотрел на дело и увидел в декрете «жесточайшее гонение на святую церковь». Он призвал анафему на Советскую власть и приглашал «верующих и верных чад церкви» стать на защиту «оскобляемой и угнетаемой ныне матери нашей». «Враги церкви,— писал он,—захватывают власть над нею и ее достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостаньте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют даже против совести народной»

С тех пор прошло два года. «Изверги рода человеческого», как называл Советскую власть тогда патриарх, не только не были свергнуты «воплем всенародным», а, напротив, укрепили свою власть Рабоче-крестьянская республика не раз за это время подвергалась серьезной опасности то со стороны немцев, то со стороны Колчака, то со стороны

союзников, то со стороны внутренних бунтарей и заговорщиков, но каждый раз в критический момент приходили на помощь ей и спасали ее **те самые народные массы,** на которые всуе рассчитывал глава чиновного духовенства. «Разум народный» и «народная совесть», очевидно, ближе принимали к сердцу усилия «поборников народного блага и строителей новой жизни», чем «достояние» церкви, которое было, в сущности, достоянием высшего духовенства. И сам патриарх по-видимому, понял глубокий сокровенный смысл этого исторического факта, если теперь, вместо средневекового, утратившего свое прежнее магическое действие, анафематствования призывает духовенство к подчинению «велениям» Советской власти.

К чему же призывает патриарх Тихон?

Если прочесть новое послание патриарха вслед за его первым посланием, анафематствовавшим Советскую власть, может и в самом деле показаться, что он отрекся от прежнего непримиримого отношения и приглашает духовенство признать рабоче-крестьянское правительство, как нормальную гражданскую власть. Но такое впечатление было бы ошибочным.

Назидание, которое патриарх дает своим чадам, заключается в следующих скользких и двусмысленных правилах: «Памятуйте же отцы и братия, и канонические правила, и завет святого апостола: «блюдите себя от творящих распри и раздоры», уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях, «повинуйтесь всякому человеческому начальству в делах мирских» (I, Петр. 2, 13), не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность Советской власти, подчиняйтесь и ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию, ибо Богу, по апостоль-

скому наставлению, «должно повиноваться более, чем людям» (Деяния, 4, 19; Галат. 1 10)

Говорит ли этим патриарх, что духовенство должно честно и открыто признать рабоче-крестьянское правительство **правительственной властью,** по крайней мере в пределах Советской России, перестав смотреть на него как на исчадие ада и детище антихриста? Говорит ли он, что духовенство и все верующие должны подчиняться этой власти **так же, как они подчинялись власти царей?** Нет! Он советует держаться в стороне от «творящих распри и раздоры» т-е от участвующих **в гражданской войне.** А так как в пределах Советской России одной из сторон в гражданской войне является **Советская власть,** то слова патриарха звучат, как призыв к уклонению от поддержки Советского правительства в его борьбе с контр-революцией «Блюсти себя от творящих распри» уклоняться от «политических выступлений»— все это легко истолковать и в сторону отказа от всех гражданских повинностей, и в сторону бойкота власти, и в сторону непризнания декретов, касающихся военных мер А слова «не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность Советской власти», — разве это не значит: действуйте осторожно, чтобы не попадаться? «Повинуйтесь **всякому** человеческому начальству»,—говорит дальше патриарх словами Петра и **от себя** прибавляет: «в делах мирских» *). «Подчиняйтесь **и ее** (Советской власти) велениям, **поскольку** они не противоречат вере». Все эти крючкотворные придаточки и оговорочки, которым могли бы позавидовать отцы иезуиты, напоминают известный совет дядьки в «Капитанской дочке», когда его барина, Гринева, подвели к

*) В послании апостола Петра сказано: „Будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа". Патриарх же изменяет смысл текста применительно к своим политическим надобностям (это называется—не заниматься политикой).

целованию руки Пугачева «Поцелуй, батюшка, плюнь, и поцелуй». Такую же цену имеет «лояльность» патриарха Тихона.

Разве осмелился бы когда-нибудь патриарх, разве позволил бы он себе обратиться с подобными советами к подданным **русских царей?** Никогда! Он знал, что за такие толкования евангельских текстов, за такие послания к верующим «смиренный» Тихон в двадцать четыре часа был бы брошен в монастырскую тюрьму, и ни один иерей, ни один верующий не решился бы поднять в пользу его голос. Для царей у чиновных начетчиков были припасены **другие** евангельские тексты, ясные, недвусмысленные. «Всякая душа да будет покорна высшим властям: ибо **нет власти не от Бога;** существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти **противится Божию установлению.** А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. А потому надобно повиноваться **не только из страха наказания, но и по совести»** (Рим. 13). Почему патриарх Тихон припрятал этот ясный текст и заменяет его более расплывчатым текстом Петра, дополняя его своими собственными «разъяснениями»? Да потому, что он **не хочет** признать Советскую власть и подчиниться ей «не за страх, а за совесть». Он, напротив, призывает подчиняться ей **только за страх**, только там, **где она представляет силу.** Ведь сказать «повинуйтесь **всякому** человеческому начальству»—это значит: повинуйтесь тому, у кого палка в руках. Повинуйтесь Советской власти—за страх, а Деникину—за совесть. Что это так, у нас тоже есть доказательства, исходящие, правда не лично от патриарха, а от его сторонников.

Юго-восточный русский поместный церковный собор, заседавший в мае сего года в Ставрополе, выпустил воззвание «всем чадам православной церкви южного края России».

В этом воззвании советская власть именуется «нечестивою и безбожною», а солдатам говорится: «воины православные, в сознании святости вашего подвига, повинуйтесь начальникам вашим, будьте страшны врагам, милостивы к мирным и безоружным, переносите терпеливо неизбежные на войне лишения в твердой надежде на скорую победу и наступление желанного мира на многострадальной родине нашей». 21 мая текущего года на многострадальной родине нашей была только *одна война*—**гражданская,** следовательно, соборные отцы призывали воинов к борьбе с **Советской властью.** А, призывая, они говорили, что, верится им, собрались они «не без мысленного благословения святейшего отца нашего Тихона, патриарха московского и всея России».

Итак, это единомышленники патриарха, а между тем они не смущаются призывать белогвардейские полчища к деятельному участию в «распрях и раздорах», зовут «чад православной церкви» к подчинению не **«всякой** человеческой власти», а власти **деникинской,** благословляют христолюбивое воинство на свержение власти советов, а не предлагают им «уклоняться от участия в политических выступлениях» Откуда эта разница? Сейчас увидим.

Церковь и Советская власть.

Мы уже видели, что православная церковь хотя и господствующая, была **закабалена** государству и превращена в служанку самодержавной царской власти. И церковь славословила своего светского господина, призывала духовенство и мирян подчиняться ему не за страх, а за совесть, грозила карами небесными ослушниками и смутьянам. Пришла Советская власть и освободила церковь от государственной кабалы и опеки, дала ей волю устраиваться, как того хотят сами верующие очистила ее от холопско-полицейского гягла. И

что ж мы видим церковь анафематствует призывает к свержению Советской власти а, потерпев неудачу, начинает, как подъячий вертеть текстами, стараясь внушить верующим, что они **только для видимости** должны подчиняться советскому правительству Чем объяснить это противоречие?

А вот чем Мы привыкли говорить: «церковь», не вдумываясь в содержание этого слова. Ведь в понятие церкви входят и клир, и миряне Мало того, само понятие клир тоже не говорит ничего определенного о **составе** духовенства. А между тем в этом и лежит вся разгадка. Духовенство делится, грубо говоря, на два лагеря: на высшее занимающее ответственные, почетные и доходные посты в церковной иерархии, и на рядовое духовенство, в главной массе деревенское, очень далекое от почестей, а тем более от жирных доходов. Это не «старший» и «младший» брат а это два разряда можно сказать: **два класса людей.** Верхи церкви составляют дружную, сплоченную аристократию, — дружную не по взаимным чувствам, которые у нее очень далеки от христианских, а по готовности оберегать свои общие привилегии и «достояние». Из низов, из рядового духовенства труднее подняться кому-либо в этот высший круг чем попасть в царствие небесное А если кто и пробирается туда, то можно вперед сказать, что его «**пригодность**» и «надежность» тщательно была испытана, прежде чем его впустили в сонм церковных генералов.

Поскольку эти иерархи представляют церковь, они тянут ее к тенета светской власти, **если эта власть поддерживает их личные и имущественные привилегии.** Так, высшее духовенство всегда рьяно тянуло к **царям,** так как царизм был весь построен на неравенстве, на богатстве и привилегиях **немногих** и на рабстве масс. С падением царизма оно благословило временное правительство, ибо видело, что и эта власть не покушается ни на почетное место церковных вла-

дык в государстве, ни на имущество и доходы церкви. Но вот пришла власть демократическая, власть рабоче-крестьянская, уничтожившая **все** привилегии и отнявшая все тунеядные источники существования. Эта мера ударила и по церковникам. Низы духовенства сравнительно мало почувствовали ее, ибо они всегда жили частью своим трудом, частью даяниями прихожан, и всегда жили бедно и тесно, немногим лучше окружавших их мирян. Громадные богатства монастырей и иерархов не кормили и не грели их. Неудивительно, что им легче и проще приспособиться к новому строю, тем более, что по своему мышлению и взглядам они далеки от аристократизма епископов и архимандритов.

Не то, конечно, верхи духовенства. Они теряют свои богатства, а с ними и все те блага мирские, которые богатство дает. Конечно, их высокое положение в церковной иерархии остается, но они, наверное, предпочли бы «достояние» без почестей, чем почести без «достояния». Ибо, при демократическом строе церкви, почетное положение надо **заслужить**, а для этого нужны и ум, и образованность, и высокая личная нравственность, — все качества, которые от иерархов царского времени не требовались, а нередко даже служили помехой в служебной карьере. Надо иметь действительные достоинства, действительные заслуги, чтобы выдвинуться на почетное место духовного пастыря при свободном выборе иерархов самой общиной верующих. Неудивительно, что люди, достигшие почетных постов совсем другими путями, чувствуют, что *сидят не в своих санях*, и гневно обрушиваются на то правительство, которое предложило им вернуться к заветам первобытного христианского коммунизма, после того как они так долго и прочно сидели в обстановке буржуазного богатства и бюрократического господства.

И высшее духовенство встретило Советскую власть злобным окриком и анафемой. Оно не сомневалось, что власть,

посягнувшая на привилегии и доходы правящих классов светских и духовных — не сможет просуществовать доль двух—трех месяцев в стране исконного рабства и насили Но они ошиблись. Эта власть справляет свою вторую годо шину и, несмотря на голод, холод и бесчисленные лишени народные массы идут за ней, не давая контр-революции и глотить ее. И церковные иерархи призадумались. Врем идет, не видно зари возврата вчерашнего дня, народны массы сжились с новой властью и считают ее своею, низш духовенство волей неволей идет за ними, уходя от иера хов, почва ускользает из-под ног церковной аристократи а надо как-то жить, остается одно, искать способов согл шения с столь неприятным рабоче-мужицким правительство.

Перед высшим духовенством стал таким образом вопр ребром либо пойти навстречу признанию Советской влас и, призвав к этому все духовенство, опять закрепить св слабеющую связь с церковными низами, либо упорствова на риск утратить в конце концов всякий авторитет. На духовенство достаточно умно, чтобы понять, каким пут итти. И оно старается подойти к Советской власти. Но эт путь требует последовательности. Вряд ли сам патриарх Т хон верит, что его послание может удовлетворить кого-ли Оно может быть рассматриваемо только как **первый, н ходный шаг.** Или признание Советской власти и призыв вс к подчинению ей должны быть заявлены недвусмысленно ясно, или вся эта политика не имеет никакой цены, ибо это время надо быть либо **холодным**, либо **горячим.**

«О, если бы ты был холоден или горяч. Но поелику тепл, а не горяч, и не холоден: **то извергну тебя из у моих»** (Откр. 3, 15—16).

Государств. типогр. (бывш. т-ва И. Д. Сытина). Пятницкая, 7